

А.Н. Афанасьев

Народные русские сказки

Выпуск 1 и 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А94

А94 **Афанасьев А.Н.**
Народныя русскія сказкі: Выпуск 1 и 2 / А.Н. Афанасьев – М.: Книга
по Трeбованию, 2014. – 410 с.

ISBN 978-5-518-10300-9

ISBN 978-5-518-10300-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Трeбованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЫПУСКЪ ПЕРВОЙ.

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (пѣснями, пословицами, поговорками, притчанаіями, заговорами и загадками) весьма видное мѣсто занимають *сказки*. Тѣсно связанныя, по своему складу и содержанію, со всѣми другими памятниками народнаго слова и исполненныя древнихъ преданій, онѣ представляютъ много любопытнаго и въ художественномъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Важное значеніе народныхъ сказокъ, какъ обильнаго матеріала для исторіи словесности, филологіи и этнографіи, давно сознано и утверждено даровитѣйшими изъ германскихъ ученыхъ. Они не только успѣшили собрать свои народныя сказки и легенды, но еще усвоили нѣмецкой литературѣ въ прекрасныхъ переводахъ почти все, что было издано по этому предмету у другихъ народовъ. Конечно, нигдѣ не обращено такого серьезнаго вниманія на памятники народной словесности, какъ въ Германіи, и въ этомъ отношеніи заслуга нѣмецкихъ ученыхъ дѣйствительно велика, и нельзя не пожелать, чтобы благородный трудъ, подъятый ими на пользу народности, послужилъ и намъ благомъ примѣромъ. Пора наконецъ и намъ дѣльнѣй и строже заняться собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ простонародныхъ сказокъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ поэтическаго и ученаго достоинствъ подобнаго сборника, онъ можетъ съ

пользою послужить для первоначальнаго воспитанія, представляя занимательные рассказы для дѣтскаго чтенія. Разумѣется, предпринимая изданіе съ этою послѣднею цѣлью, необходимо допустить строгій выборъ, но такой выборъ легко будетъ сдѣлать. Увлекаясь простодушною фантазіею народной сказки, дѣтскій умъ нечувствительно привыкнетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій, и познакомится съ чистымъ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами и художественно-вѣрными природѣ описаніями. Мысль эту раздѣляли лучшіе изъ нашихъ поэтовъ: Жуковскій и Пушкинъ, познакомившіе публику съ нѣкоторыми народными сказками, передавая ихъ простое содержаніе въ прекрасныхъ стихахъ. Жуковскій, подъ конецъ своей жизни, думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ; а Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ о себѣ: „вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“

Цѣль настоящаго изданія объяснить сходство сказокъ и легендъ у различныхъ народовъ, указать на ученое и поэтическое ихъ значеніе, и представить образцы русскихъ народныхъ сказокъ.

Мы не разъ уже говорили о доисторическомъ сродствѣ преданій и повѣрій у всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени. Такое сродство условливалось: во первыхъ, одинаковостью первоначальныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ въ человѣкѣ видимою природою, обожаніе которой легло въ основу его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, въ эпоху младенчества народовъ; во вторыхъ, единствомъ древнѣйшаго происхожденія нынѣ столько разъединенныхъ народовъ. Раздѣляясь отъ еди-

наго корня на отдѣльныя вѣтви, они вынесли изъ прошлой своей жизни множество одинаковыхъ преданій, и доказательства своего изначальнаго родства затаили въ звукахъ роднаго слова. Доказано, что тою же творческою силою, какою создавался языкъ, создавались и народныя вѣрованія и вѣрная ихъ представительница — народная поэзія; образованіе слова и мифа шло одновременно, и взаимное воздѣйствіе языка на созданіе мифическихъ представленій и мифа на рожденіе слова не подлежитъ сомнѣнію. Теперь, если мы припомнимъ, что народныя сказки древнѣйшей первичной формациі сохранили въ себѣ много указаній и намековъ на сѣдую старину доисторическаго періода, что онѣ суть обломки древнѣйшаго поэтическаго слова — эпоса, который былъ для народа хранилищемъ его вѣрованій и подвиговъ, — для насъ будетъ понятно и то удивительное съ перваго взгляда сходство, какое замѣчается между сказками различныхъ народовъ, живущихъ на столь отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ и столь разною историческою жизнію. Особенно такое сходство замѣчается между сказками народовъ, состоящихъ въ наиболѣе близкомъ плѣменномъ родствѣ, наприм. между сказками славянскими, литовскими и нѣмецкими. Читатели убѣдятся въ этихъ высказанныхъ нами мнѣніяхъ изъ подробнаго сличенія народныхъ сказокъ, на которомъ мы, съ надеждою пояснить многія старинныя преданія, основываемъ примѣчанія къ нашему изданію.

Народныя русскія сказки раскрываютъ предъ нами обширный міръ. Повѣрья и преданія, встрѣчаемыя въ нихъ, говорятъ о старинномъ доисторическомъ бытѣ славянскихъ племенъ; олицетворенныя стихіи, вѣщія птицы и звѣри, чары и обряды, таинственныя загадки, сны и при-

мѣты — все послужило мотивами, изъ которыхъ развился сказочный эпосъ, столько плѣнительный своею младенческою наивностью, теплою любовью къ природѣ и обаятельною силою чудеснаго. Могуція силы и поразительныя явленія природы, признанныя въ эпоху язычества за боговъ, вслѣдствіе обычнаго развитія древнихъ вѣрованій воплощались не только въ птицъ и звѣрей, но и въ антропоморфическіе образы, и сблизившись мало-по-малу съ человѣческими формами и свойствами, снизились наконецъ съ своей недостигаемой высоты на степень *героевъ*, доступныхъ людскимъ страстямъ и житейскимъ тревогамъ, и породили богатырскія сказанія, повѣствующія о ихъ чудесныхъ подвигахъ. Таковы всѣ герои финской поэмы Калевалы и греческіе полубоги; таковъ нашъ змѣй-горынычъ, который въ „былинахъ“ является уже богатыремъ, хотя и сохраняетъ всѣ атрибуты огненнаго змѣя (молніеносной тучи); таковы въ народныхъ сказкахъ великаны и богатыри, удержавшіе даже свои стихійныя названія: *Вихорь*, *Громъ*, *Градъ*. Эти сказочные герои усвоили себѣ то страшное могущество, какое принадлежитъ силамъ природы, и получили громадныя, соответственныя этому могуществу размѣры; самое слово *богатырь* (отъ слова *богъ* чрезъ прилагательное *богатъ*; сравни латинск. *deus*, *dives*, *divus* отъ корня *div* — блистать, свѣтить, откуда и наши баснословныя *дивы*) означаетъ существо, надѣленное высшими, божескими качествами. Трудные подвиги богатырей и ихъ битвы съ великанами и змѣями суть только образныя, поэтическія изображенія естественныхъ явленій, такъ могущественно вліяющихъ на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, въ народныхъ сказкахъ представляется златокудрою дѣвою неописанной красоты, похи-

щаемую змѣю, который уноситъ ее въ свои неприступныя горы и ограждаетъ крѣпкими затворами; освободителемъ красной дѣвицы является богатырь, владѣтель чудодѣйственнаго меча-саморуба т. е. самъ Перунъ, божество грозы и молніи: онъ проникаетъ въ мрачныя подземелья, выпиваетъ тамъ всю сильную воду и поражаетъ змѣю, или говоря простымъ, обыкновеннымъ языкомъ, онъ разбиваетъ тучи молніей, проливаетъ на землю дождь и выводитъ изъ змѣиныхъ пещеръ дѣву-солнце. Другой рядъ народныхъ сказокъ въ такихъ-же пластическихъ образахъ изображаетъ годовое обращеніе этого свѣтила. Невѣста-земля, въ полномъ цвѣтѣ и роскоши своихъ лѣтнихъ уборовъ, вдругъ подъ вліяніемъ чаръ злой колдуньи-зимы превращается въ камень и засыпаетъ долгимъ непробуднымъ сномъ; во всемъ ея царствѣ жизнь пріостанавливается и какъ-бы застываетъ до тѣхъ поръ, пока жаркой поцѣлуй молодого царевича — весенняго солнца ни разбудитъ красавицы для любви и общей радости. Пробужденная невѣста вступаетъ въ бракъ съ свѣтозарнымъ царевичемъ, и земля начинаетъ свои роды.

Позднѣе сказка, вѣрная народной жизни, отразила въ своихъ богатырскихъ повѣстяхъ черты изъ эпохи великой борьбы христіанскихъ идей съ языческими; многія изъ древнихъ преданій были подновлены, согласно съ вновь-возникшими взглядами и убѣжденіями, и нѣкоторыя эпическія сказанія получили легендарную обстановку, хотя впрочемъ изъ-за этихъ подновленій до сихъ поръ еще сквозитъ дохристіанская старина. Сильномогучіе богатыри, побѣдители сказочныхъ великановъ и многоглавыхъ змѣевъ, въ „былинахъ“ уже сражаются противъ какого-то Идолища и невѣрныхъ народовъ; на своихъ крѣпкихъ плечахъ они выносятъ безпрестанныя и

безпощадныя битвы съ *погаными* азіатскими кочевниками и отстаиваютъ независимость и государственныя основы родной земли, тогда какъ великаны и змїи выставляются защитниками басурманства. Еще позднѣе — и народная сказка, свидѣтельствуя намъ о нѣкоторыхъ чертахъ древняго новгородскаго быта (см. Русс. нар. сказки Сахарова), вводитъ читателя въ міръ дѣйствительныхъ событий и чрезъ то сближаетъ его съ чисто-историческимъ эпосомъ Слова о полку, малороссійскихъ думъ и народныхъ пѣсень о Грозномъ, Петрѣ Великомъ и другихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ.

Составляя вмѣстѣ съ „былинами“ отрывки стариннаго эпоса, сказки уже по тому самому запечатлѣны прочнымъ художественнымъ достоинствомъ. Въ доисторическую эпоху своего развитія народъ необходимо является поэтомъ. Обогащая природу, онъ видитъ въ ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный въ созерцаніе ея торжественныхъ явленій и таинственныхъ силъ, народъ всѣ свои убѣжденія, вѣрованія и наблюденія воплощаетъ въ живые поэтическіе образы и высказываетъ въ одной неумолкаемой поэмѣ, отличающейся ровнымъ и спокойнымъ взглядомъ на весь міръ.

Народныя русскія сказки проникнуты всѣми особенностями эпической поэзіи: тотъ-же свѣтлый и спокойный тонъ; то-же неподражаемое искусство живописать всякой предметъ и всякое явленіе по впечатлѣнію, ими производимому на душу человѣка; та-же обрядность, высказывающаяся въ повтореніи обычныхъ эпитетовъ, выраженій и цѣлыхъ описаній и сценъ. Разъ сказанное мѣтко и обрисованное удачно и наглядно уже не передѣлывается, а какъ будто застываетъ въ этой формѣ и посто-

явно повторяется тамъ, гдѣ это признано будетъ необходимымъ по ходу сказочнаго дѣйствія. Отъ того, не смотря на неподдѣльную красоту языка, народныя сказки поражаютъ однообразностью, тѣмъ болѣе, что и темы разсказовъ, и дѣйствующія лица, и чудесное — въ бѣльшей части подобныхъ произведеній повторяются, съ небольшими отступленіями. Народъ не выдумывалъ; онъ разсказывалъ только о томъ, чему вѣрилъ, и потому даже въ сказаніяхъ своихъ о чудесномъ — съ вѣрнымъ художественнымъ тактомъ остановился на повтореніяхъ, а не отважился дать своей фантазіи произволь, легко переходящій должныя границы и увлекающій въ область странныхъ, чудовищныхъ представленій.

При всемъ однообразіи, замѣчаемомъ въ народныхъ сказаніяхъ, въ нихъ столько истинной поэзіи и столько трогательныхъ сценъ! Съ какой поэтической простотой, напримѣръ, передана въ сказкѣ встрѣча Ѳедора Тугарина съ Анастасіей Прекрасною.

Повѣхалъ Ѳедоръ странствовать. Ѳдетъ, Ѳдетъ, и на пути видитъ: лежатъ три рати-силы побитыя. „Кто здѣсь живой?“ окликаетъ странствующій герой; „скажи: кто побилъ эти рати?“ Въ отвѣтъ ему слышится голосъ: „подай воды напиться.“ Подаетъ Тугаринъ воды раненому, и узнаетъ отъ него, что побѣдила всѣ три рати Анастасія Прекрасная, а сама отдыхаетъ теперь въ шатръ. Приѣхалъ Тугаринъ къ шатру Анастасіи Прекрасной, привязалъ своего коня, вошелъ въ палатку, легъ съ боку дѣвѣ и заснулъ. Анастасія Прекрасная проснулась прежде; разбудила незваннаго гостя и сказала: „а что — станемъ биться или мириться?“ Отвѣчалъ ей Тугаринъ: „коли наши кони стануть биться, тогда и мы попробуемъ силы!“ — и спустили они своихъ коней. Кони обнюхались,

стали лизать другъ друга и пошли дружио пастьсь вмѣств. Тогда Анастасія Прекрасная сказала Ѳодору Тугарину: „будь ты мнѣ мужемъ, я тебѣ — женою!“

Какъ ото всѣхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣетъ поэтической чистотою и искренностію; съ дѣтскою наивностію и простотою, подѣ-часъ грубою, онѣ соединяють честную откровенность, и свои повѣствованія передають безъ всякой затаенной ироніи и ложной чувствительности. Мы говоримъ о сказкахъ древнѣйшаго образованія. Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи и сказка подчиняется новымъ требованіямъ, какія бываютъ порождены ходомъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ первоначальное простодушіе. (См. сказки о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ, о Шемякиномъ судѣ и др.) Но всегда сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою. Напечатанная въ первомъ выпускѣ сказка *о правдѣ и кривдѣ* задаетъ практическій вопросъ: какъ лучше жить — правдою или кривою? Здѣсь выведены два лица, изъ которыхъ каждый держится противоположнаго мнѣнія: правдивый и криводушный. Правдивый — терпѣливъ, любитъ трудъ, безъ ропота подвергается несчастію, которое обрушилось на него по злобѣ криводушнаго, а въ послѣдствіи, когда выпадаютъ на его долю и почести и богатство, онъ забываетъ обиду, какую причинилъ ему криводушный, вспоминаетъ, что нѣкогда они были товарищами, и готовъ помочь ему. Но чувство нравственное требуетъ для своего успокоенія полного торжества правды — и криводушный погибаетъ жертвою собственныхъ расчетовъ.